

Моккан: заключение

Га-ах! Проблема "на чем писать" была успешно решена, вот только осталась еще одна - чем это делать. К тому же, нужно было каким-то образом получить чернила. Господи! Ну почему?!

Ни один магазин не продает шариковых ручек и карандашей, к которым я привыкла. Если бы чернила были в свободной продаже, то было бы намного проще. Но они такие дорогие, что мне их ни в жизнь не достать. Три года работы - это немало.

Варианты купить, украсть или найти отпадают ввиду своей невыполнимости. Похоже, что придется сделать чернила самостоятельно (ну, или попытаться сделать что-то похожее).

Увлечшись созданием аналога бумаги, я совсем забыла о том, чем буду на ней писать. Смогу ли я вообще сделать чернила? Я знаю, что они включают в себя разнообразные пигменты и олифу. Но в этом мире я вряд ли их достану даже за деньги.

Ах, как было бы здорово поймать каракатицу или осьминога!

- Хочу на море-е-е! - протянула я, разорвав тишину.

Лютц отшатнулся от неожиданности, а затем спросил, потирая уши:

- Что случилось? Чего ты так раскричалась?

- Лютц, а, Лютц! Ты знаешь, что можно использовать вместо чернил? То, что смогу сделать даже я?

- «Чер-ни-ла»... Что это?

- Ну, это такая штука, чтобы писать на бумаге или на чем захочешь... - я пустилась в объяснения. Потребовалось некоторое время, чтобы он понял, о чем я говорю.

- Ну не знаю... Слушай, Мейн, а почему бы тебе не использовать сажу или золу?

- Ты гений!! Спасибо тебе! - и почему я сразу об этом не подумала?

Будь то зола или сажа - этого добра всегда в достатке около камина у меня дома.

Как только я вернулась домой, то сразу же обратилась к маме:

- Мам! Можно я возьму немного сажу?

- Конечно, доча. Можешь взять столько, сколько захочешь. А раз уж ты там будешь копошиться, то вот, возьми, пригодится, - она протянула мне бесформенную кучу тряпья и, чуть улыбнувшись, произнесла: - Почисти дымоход заодно, хорошо?

- Тц...

Мать воспользовалась моим состоянием и повесила на меня еще и чистку дымохода. Это не то, чего я ждала, но если это ради сажи, то у меня нет выбора. Увлеченная своей идеей, я схватила узкий веник, который мы используем для чистки трубы, и приступила к работе.

- Вау, никогда бы не подумала, что мне придется косплеить золушку.

Я выгребла золу из нижней части камина и отложила ее в сторону. После этого, я засунула голову в отверстие и начала сбивать всю сажу, до которой было возможно дотянуться. Это, наверное, первый раз когда я была рада иметь такое маленькое тело. Пока черные частицы осыпались со стен, дымоход становился все чище и чище, а кучка сажи становилась все выше и выше.

Это оказалось намного веселее, чем я думала, когда только начинала. Я так погрузилась в работу, что перестаралась. На следующий день моя температура вернулась, и я снова пролежала весь день.

Пусть я вся в саже, пусть заболевшая – мне удалось добыть нужное количество, вот что главное. Осталось только поправить здоровьице и тогда можно уже будет начать приготовления. Хорошо бы до конца сегодняшнего дня...

- Мейн, ну и что мы с ней будем делать? - Лютц растерянно смотрел на кучу сажи перед ним, постоянно поглядывая на меня.

- Давай-ка для начала попытаемся растворить ее в воде... - это первое, что пришло мне в голову. Возможно, потому что чернила черные и жидкие... да нет, не может такого быть. Я зачерпнула немного воды из реки, добавила в нее сажи, а затем начала перемешивать деревянной ступкой. Однако большинство частичек предпочли плавать на поверхности воды, никак с ней не смешиваясь.

- М-да, первый блин комом...

Я попробовала окунуть в получившуюся субстанцию веточку, а затем принялась выводить на одной из дощечек цифры... Дерево почти не красилось, да и то, что на нем оставалось, превращалось в бесформенную нечитаемую массу.

- Это полный провал... - разочарованно произнесла я.

- Ну и что теперь?

- Изначально я хотела смешать сажу с маслом... Однако я очень сомневаюсь, что она даст мне его. Тогда...

Насколько я помню, для письменности в феодальной Японии использовался желатиновый

клей... но я вряд ли смогу развести огонь, чтобы сделать его.

В будущем я хочу попробовать сделать желатин. Если это удастся, то я смогу делать краску из натуральных красителей. Тогда я смогу наделать себе различных цветов и открыть лавку с красками. Однако я не могу ждать, пока вырасту...

- Мейн? Ты здесь? - Лютц обеспокоенно поводит рукой у меня перед глазами.

- Возможно, надо искать краситель другого агрегатного состояния... Хм... Может... мел... карандаши... Эврика! Мы же можем использовать глину! Давай смешаем сажу с глиной!

- Зачем это?

- Должно получиться что-то вроде «Карандаша Конте».

Мы смешали сажу и глину и скатали из них длинные трубочки. Когда они высохнут, то, наверное, я смогу писать ими на Мокканах.

В течение нескольких дней карандаши высыхали, постепенно твердея. Я обмотала руки тряпкой, чтобы не запачкать их, и, наточив кончик одной из палочек ножом, попробовала ее в действии. Она, действительно, пишет! Правда, крошится немного, но это уже мелочи.

- Мы сделали это! Они пишут! - восторженно восклицала я.

- О! Хорошая работа, Мейн!

Теперь, когда у меня есть чем писать, остается только запастись большим количеством дощечек. Самое классное то, что весь производственный процесс я могу делать в одиночку. Единственная проблема – дощечки начинают мешаться в кладовке.

Деревянная кучка росла день ото дня, однако в один прекрасный день, когда я вернулась из леса, то обнаружила, что они исчезли. Место, куда я их постоянно складывала, опустело.

- Что? Куда? ...Исчезли?

- Что такое, Мейн? - мама чуть обеспокоенно смотрела на меня, совершенно потерявшуюся.

- Мам, ты не знаешь, куда делись все «Моккан»?

- О чем ты?

- Такие тоненькие дощечки... Я складывала их прямо здесь...

- А, так ты про те дрова. Я их в дело пустила, так вот, - довольно произнесла она, скрестив руки на груди.

- А..., - моя голова совершенно опустела. - Нееет... Почему?.. - ни одной дощечки не осталось. Все было напрасно. Все мои усилия, вся моя сила воли. Остались лишь угли.

В этот момент сила покинула мои ноги, а голову пронзила сильная боль, предвещающая начало сильной лихорадки. Зрение затуманилось, а дышать стало тяжелее. Жар, сильнее прежних, вырвался наружу и обрушился на мое тело.

- Что...

Без понимания того, что может происходить со мной, я вдруг рухнула, скуля так, будто попала в кошмар. Мое сознание трепещет, пока я медленно погружаюсь в бурлящую лихорадку. Я чувствую, что умираю по крупницам под безжалостным давлением болезни. Только сейчас, испытав это на своей шкуре, я могу понять, как настоящую Мейн мог убить такого рода жар.

Пока я продолжала свое безвольное падение в бездну забвения, вокруг меня мелькали тревожные лица моих родных. Иногда перед глазами проскакивало и лицо Лютца.

Лютц... Почему...

Я зацепилась за его образ и начала выкарабкиваться из темноты. Это был не просто образ. С огромным трудом сфокусировав свое зрение, я увидела его перед собой. Его глаза широко распахнулись.

- Мейн?!

Лю-ютц...

- Г-госпожа Ева! Мейн очнулась! - позвал он.

Мама тут же вбежала в комнату.

- Мейн! - на ее глазах наворачивались слезы, - я уж думала, что ты никогда не проснешься!

- Прости, что заставила волноваться. Можешь принести воды? У меня горло першит, и я вся вспотела. Можешь помыть меня? - охрипшим голосом выдавливала я.

- Конечно, я вернусь так скоро, как смогу.

Как только она вышла, я крепко схватила за руку Лютца. Я не могла даже поднять голову, поэтому мне пришлось привлечь его внимание таким способом.

- Она... сожгла все Моккан...

- Ой... ну ведь они и вправду были похожи на куски древесины, - сочувствуя, произнес он.

- Но я ведь приложила столько усилий...

Это конец. Пора сдаться. Видимо сама судьба не дает мне сделать книгу.

- Может нам стоит попробовать что-нибудь, что не горит?

Точно. Сейчас не время ныть. Надо искать замену моккан. Я усилием воли постаралась сжать недомогание в крохотный комок. Ничто не должно мешать мне.

- Можем ли мы использовать бамбук? - снова спросил он.

- Ах! Лютц, ты настоящий гений! - иногда я так рада, что он помогает мне.

Бамбук лопается от нагрева, так что это точно не то, что было бы возможно сжечь. Надежда вновь вернулась ко мне. В то же время лихорадка, так безжалостно терзавшая меня до этого, отступила, и мне стало легче дышать.

- О чем болтаете? - мама вернулась со стаканом воды.

- Это секрет, хи-хи! - улыбнулась я.

- Ладно, тогда я пойду и наберу их... - сказал Лютц, поднимаясь на ноги и, внимательно посмотрев на меня, строго произнес: - А ты поправляйся! И не смей вставать с кровати до тех пор, пока не выздоровеешь!

- О-о-о, это так мило с твоей стороны, Лютц!

- Я делаю это только для того, чтобы ты познакомила меня с Отто! Я в-овсе не волнуюсь о тебе или что-то в этом роде... Я ушел!

(спустя два дня)

- Вай! Ай-ай-ай-ай-ай! - причитала мама.

- Что случилось?

- Да та древесина, которую принес Лютц, взорвалась! - Серьезно, женщина? Ты опять сожгла плоды чужого труда?

- Это был очищенный бамбук. Он принес его для меня, - сквозь зубы проговорила я.

- Ничего не знаю, больше чтобы ты ничего такого не приносила.

Теперь и бамбук под запретом. Прости Лютц, ты ведь так старался...

<http://tl.rulate.ru/book/6509/129491>